

Е.В. Пчелов

Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном контексте

Впервые опубликовано в: Вестник РГГУ. № 4, 2008. Серия «Исторические науки». С. 47–59.

В этой статье мне хотелось бы остановиться на современном положении вспомогательных исторических дисциплин (далее – ВИД) в исторической, и не только в исторической науке, показать их сегодняшнее значение для гуманитарного знания и рассмотреть возможные пути их развития в будущем.

Прежде всего, нужно ответить на вопрос, что такое ВИД, что понимается ныне под этим названием и что собой эти «дисциплины» в настоящее время представляют.

Наверное, не будет какой-то неожиданностью сказать, что ВИД – наименование, которое берём в кавычки как в целом, так и в каждой из частей этого понятия – представляют собой весьма условный конгломерат, даже скорее круг наук, научных дисциплин, очень разноплановых, очень разнохарактерных, которые объединены несколькими основными моментами. Эти признаки не только относятся к сегодняшнему положению ВИД, но и отражают их общую, вернее схожую в каждом конкретном случае, историю. Это, во-первых, чисто прикладные функции данных областей знания, которые они выполняли и выполняют сейчас по отношению к собственно исторической науке – иными словами то, что заложено и в слове «вспомогательный», и в слове «исторический», и в слове «дисциплина», т.е. нечто практическое, дополнительное, узко конкретное. Во-вторых, это общность происхождения. Практически все ВИД начали оформляться, формироваться в процессе эрудиционного изучения письменных источников и были (как и остаются) непосредственно связаны с задачами «критики» источника. В самом деле, историк должен уметь прочитать письменный источник, датировать его, определить печать, понять те реалии культуры (названия, измерения и т.п.), которые в этом документе упоминаются, и т.д., т.е. по сути дела выполнить ту часть работы, которая в классическом источниковедении именовалась критикой происхождения (внешней критикой) и позволяет установить подлинность документа и вписать его в определённый источниковый контекст. Развитие практических навыков и накопление информации со временем привели к выделению отдельных областей как более-менее самостоятельных частей исторического знания, которые и стали позднее именоваться ВИД. Сразу скажу, что эта, чисто практическая функция – функция, помогающая историку подготовить к

исследованию исторические источники, никуда не исчезла и никогда не исчезнет – она останется за этими дисциплинами и в будущем, ибо, конечно, наука, в том числе и гуманитарная, развивается не путём «смены формаций», предполагающей отрицание или забвение предшествующего, а путём «приращения» знаний и методов и тем самым увеличения и расширения своего внутреннего содержания.

Точно так же навсегда актуальным останется и эрудиционный характер ВИД. Для того, чтобы успешно ими заниматься, нужно очень много знать, причём в разных научных областях, и хотя во многих ВИД (таких как генеалогия, геральдика, палеография, ономастика) создаются и успешно функционируют электронные базы данных и компьютерные программы, они всё же не в состоянии заменить исследователя, его творческую интуицию и эрудицию, его кругозор и интеллектуальные, аналитические способности.

Итак, единство происхождения и изначальных практических функций позволяют рассматривать ВИД как некую область условно объединяемых отдельных наук. Это происхождение обусловило и название, которым мы пользуемся. Оно громоздко, неудобно и крайне непривлекательно. Действительно, когда мы произносим его, у неподготовленного слушателя сразу возникает представление о ВИД как о чём-то частном, дополнительном и незначительном, а отсюда появляется и соответствующее, зачастую пренебрежительное, отношение. Разумеется, название ныне совершенно не адекватно реальному содержанию предмета, оно отражает лишь одну из сторон этого содержания, да и то не слишком удачно. Расширение научных задач ВИД, самого исследовательского пространства современного гуманитарного знания, достижение значительной частью ВИД качества самостоятельных наук привело к попыткам отказа от прежнего наименования и поискам новых идентификационных обозначений, которые, впрочем, не дали сколько-нибудь удовлетворительного результата. Наиболее распространённой альтернативой является название «специальные исторические дисциплины», предложенное академиком М.Н. Тихомировым. Поскольку ёмкого и краткого наименования в науке так и не появилось, остаётся два пути: или оставить название старое и продолжать пользоваться им, подчёркивая его условность и историзм, или вовсе отойти от содержательной сущности общего наименования, сохранив его лишь в качестве приблизительного контура и понимая каждую из ВИД вполне самостоятельной, самодостаточной и самоценной гуманитарной наукой. Предпосылки ко второму пути имеются.

Выйдя (в научном смысле) как бы из общего источника, ВИД не просто обособились, но и довольно далеко друг от друга отошли. Сейчас уже вне контекста

прикладных задач, на первый взгляд, казалось бы, почти ничего нельзя найти общего у таких, например, наук как геральдика и хронология или ономастика и метрология. Каждая из дисциплин не только вырабатывала свою теорию, методику, практику, увеличивала свой информативный, содержательный потенциал, но некоторые из них сами стали «делиться», образовывая всё более и более сложную структуру. Становясь самостоятельно значимыми, части выходили из целого и обретали вполне автономное «существование». Так, к примеру, произошло с филигранологией (филиграноведением) или бонистикой. Увеличиваясь и как бы разрастаясь, ВИД оказались во власти центробежных сил, когда индивидуальность каждой дисциплины стала явственно доминировать над становящимся всё более и более зыбким единством.

Поскольку, по сути, традиционным, что объединяет ВИД, является их «прикладная» функция по отношению к «собственно историческому» исследованию, то и само это понятие в настоящее время включает в себя ряд разнородных наук, которые в целях некоторой систематизации могут быть объединены в отдельные группы по различным признакам. В историографии неоднократно предлагались разные классификации ВИД, призванные прояснить их природу¹. Например, ВИД можно систематизировать по признаку отношения к историческому источнику (источниковедческая классификация). Здесь выделяются дисциплины, имеющие в качестве объекта прежде всего конкретные виды и разновидности источников: письменные – палеография, лингвистические – ономастика, вещественные – нумизматика, изобразительные – геральдика и т.д., и, с другой стороны, дисциплины, имеющие определённый предмет исследования и использующие для его исследования самые разные по своей природе источники: хронология, метрология, генеалогия и др. Возможны, разумеется, и другие классификации.

Если же в целом попытаться охватить взглядом некий общий круг ВИД, то несложно увидеть, что одна часть их изучает системы ориентации во времени и пространстве и их «материальное» воплощение: это своего рода «хронотопный» комплекс ВИД – хронология и хронометрия, историческая география и картография, метрология как исследование систем мер и весов и способов их конкретного измерения; другая часть – определённые вещественные или изобразительные источники знакового характера: нумизматика, сфрагистика, геральдика, вексиллология, фалеристика и др.; третья – системы культурной идентификации в языке: ономастика; четвёртая – системы ориентации в обществе: генеалогия, архонтология, т.н. «социальный этикет»; и наконец, пятая – знаки письма и историю письменной культуры: палеографический «круг» дисциплин (порядок перечисления, разумеется, условный).

Важной особенностью всех ВИД является их ярко выраженная полидисциплинарность. В научной литературе уже не раз подчёркивались их многообразные взаимосвязи между собой и кроме того, что особенно важно, с другими гуманитарными и не-гуманитарными науками. Совершенно очевидно, что мы не можем успешно заниматься исследованиями в области хронологии, ничего не понимая в астрономии, или геральдикой, не имея хотя бы общего представления об истории изобразительного искусства. Методы ВИД продуктивно используются в различных, зачастую далёких от исторического дискурса науках, и это позволяет различить контуры некоторого синтеза, существенно обогащающего обе «стороны». Одним из примеров такой «пограничности» может служить генеалогия, чьи методы активно применяются в генетике человека, как и методы генетики результативны при решении генеалогических вопросов². Начало этому взаимодействию было положено в своё время в рамках евгеники, вообще мыслившейся рядом выдающихся учёных (таких, например, как Н.К. Кольцов) как область возможного синтеза наук ради достижения общей, практической позитивной цели. Методическая и предметная «взаимопроницаемость» – ещё один признак относительного единства ВИД.

Между тем, конечно, нет сомнения, что оставаясь практическими, прикладными дисциплинами, ВИД представляют собой своего рода «азбуку истории» и без овладения этой «азбукой» невозможна результативная работа с источниками. Но главное, в современной познавательной ситуации значение ВИД в контексте гуманитарного знания становится совершенно иным и приобретает абсолютно иной, можно сказать, универсальный характер. В самом деле, ВИД занимаются столь существенными пластами истории культуры, сориентированы на столь фундаментальные культурные универсалии, что вполне способны и должны, стать азбукой и для любого учёного-гуманитария в целом, независимо от его узко-специальной принадлежности. Так, без хронологии, метрологии и исторической географии невозможно представить себе модель мира в той или иной культуре, восприятие времени и пространства³; без изучения генеалогии и систем родства нельзя понять организацию общества, не говоря уже о таких важнейших культурных явлениях как письмо, счёт, всякого рода эмблематические системы и т.д. В этом отношении ВИД вполне сопоставимы с другой областью некогда прикладного исторического знания – источниковедением, обретающим в настоящее время такой же универсальный для всего гуманитарного знания характер⁴. То, что объединяет ВИД – это, вне всякого сомнения, понятие «культура», образами, символами и моделями которой они по сути своей и занимаются.

Существенно отметить, что ВИД, подобно источниковедению, способны дать нам точное и определённо достоверное знание о предмете своих изысканий, можно сказать, что именно они (хотя, конечно, не одни они) делают историческую науку и вообще гуманитарную область сферой *точного* научного знания, именно научного, а не субъективно-интерпретационного, т.е. в сущности делают науку наукой. Это сегодняшнее положение и значение ВИД, к сожалению, ещё не достаточно осознанное, вновь, кстати, ставит вопрос об их общем наименовании.

Однако в рамках самих ВИД, увы, далеко не всегда ещё можно говорить о вполне сформировавшемся научном статусе. Сегодняшнее положение этих дисциплин (я говорю сейчас об отечественной науке) сложно, а в некоторых случаях их состояние даже близко к кризисному. Здесь я хотел бы отметить ряд внушающих тревогу явлений.

Во-первых, значительная часть ВИД так и замерла на стадии эмпирического «накопления» материала при ощутимом отсутствии «аналитических процессов» (что, не в последнюю очередь, обусловлено и их зачастую непростой исторической «судьбой» в отечественной традиции). К таким наукам относятся многие «объектные» ВИД, как например, сфрагистика или геральдика. Если говорить о геральдике, то даже задача введения в научный оборот всего необходимого, можно сказать элементарного для данной науки, источникового материала ещё далека от разрешения. Мы практически не имеем современных, фундаментальных, научных публикаций ранее не публиковавшегося, архивного комплекса родовых, да и многих территориальных гербов дореволюционной России. Задача, сформулированная в своё время В.К. Лукомским, не решена до сих пор. Геральдические же исследования по большей части представляют собой описательные работы, в которых доля анализа остаётся крайне низкой, – иными словами, исследователи пытаются, и небезуспешно, ответить на вопросы «где, что, когда и как», но совершенно не задаются вопросом «почему». Отсюда иногда удивительная беспомощность в решении проблем, где аналитика должна составлять необходимую часть исследования.

Можно вспомнить о пресловутой истории двуглавого орла и всадника, когда тщательный анализ конкретного материала и попытки выяснить смысл и значение (семантику) этих эмблем (как и их многочисленных разновидностей) в разных культурах и в разные эпохи заменяется зачастую наивным объединением внешне схожих изображений в единый семантический контекст без различия этих культур, эпох и стилей. То, что тот же двуглавый орёл существовал, к примеру, у хеттов, арабов, византийцев, ордынцев и т.д., свидетельствует лишь о широкой распространённости эмблемы как таковой, а также, возможно, и об определённых культурных влияниях (конкретные пути которых большей частью остаются неясными), но совершенно не объясняет смыслового содержания этой

эмблемы, которое необязательно было одинаковым или схожим во всех этих культурах. А ведь важно определить эту семантику, как-то классифицировать изобразительные признаки, понять, как воспринимали эмблему в период её активного бытования и после, как это восприятие отличалось «внутри» культуры и «вне» её, собрать, наконец, как можно более репрезентативный источниковый материал, в том числе и «на уровне» изображений, а не выхватывать из контекста внешне схожие, да и то приблизительно, эмблемы, и на основании этого сходства так или иначе трактовать их историю. Работы, в которых хотя бы задаются подобные вопросы, в нашей геральдике, увы, всё ещё редки. Отрядным исключением среди недавних исследований может являться книга Магдолны Агоштон о великокняжеской печати 1497 г.⁵, которой, видимо, надоела эта зыбкая неопределённость отечественных публикаций и она самым скрупулёзным образом провела тщательнейшее источниковедческое исследование печати 1497 г. и наконец опубликовала этот важнейший источник так, что стало возможно рассмотреть его без увеличительных приборов (впервые за четверть века его изучения в современной геральдической науке!). Поистине горькой правдой становятся слова В.К. Лукомского о том, что геральдика (он говорил в данном случае о русской родовой геральдике) станет для будущих историков примерно тем же, чем были египетские иероглифы для Шампольона в начале его изысканий.

Примерно такая же ситуация сложилась и в некоторых других ВИД, как например, в генеалогии, где установление родственных связей (вещь, безусловно, необходимая и полезная), как правило, и является конечным результатом исследования. Я никоим образом не хочу умалить значимость такой сугубо конкретной, частно-ориентированной деятельности. Нет, составление любой родословной, а тем более её публикация – важна и существенна сама по себе, и честь и хвала исследователям, занимающимся столь кропотливым трудом. Чем больше будет научных родословных, тем лучше, тем больше будет наполняться информационная «копилка» генеалогической науки. Но важно помнить, что наука состоит не только в этом, что за всей добытой информацией стоят новые исследовательские задачи и рубежи. Недооценка соотношения тщательного, источниковедчески выверенного эмпирического исследования и аналитических, научных подходов и задач и приводит к многочисленным мало аргументированным, а потому декларативным утверждениям, типа незначительной (или наоборот большой) значимости для Средневековья (да и для более позднего времени) внешнего вида эмблемы или о красном цвете как самом популярном в русской культуре. Такие декларации лишь обнажают отсутствие необходимой источниковой базы и источниковедческую

непроработанность, далёкий от науки статус той или иной дисциплины, создают впечатление, что ими, якобы, может с успехом заняться и дилетант.

В других ВИД обнаруживаются вполне реальные, остро ощутимые разрывы и даже «провалы» исследовательской традиции, вероятно, связанные в том числе и с повышенным эрудиционным характером ВИД. Здесь сразу можно вспомнить о хронологии и метрологии. Специалистов в этих областях в нашей науке можно буквально пересчитать по пальцам. Если исторической хронологией ещё занимаются несколько человек в Москве и в Петербурге, а также, в отдельных других центрах (Барнауле)⁶, то историческая метрология практически сошла на нет. Это очень серьёзная проблема, и она стоит и перед другими областями ВИД. Всему этому способствует также и отсутствие современных учебных пособий. Мы все учились по учебникам Е.И. Каменцевой, и они, конечно, всегда останутся «азбукой» профессии, но жизнь идёт вперёд и нужны всё новые и новые учебники (о чём, кстати, и сама Елена Ивановна всегда говорила). Сейчас же есть или учебники по отдельным дисциплинам, но порой очень слабые, или обобщающие учебники сразу по нескольким дисциплинам, из которых учебник Г.А. Леонтьевой, В.Б. Кобринина и П.А. Шорина в значительной части устарел, а петербургский учебник Европейского университета в некоторых своих частях даже откровенно недостоверен. Не говоря уже о том, что все учебники так и находятся на прежнем уровне понимания ВИД как сугубо исторических и специфических наук.

Третий момент, характеризующий современное положение, это наплыв в некоторых областях научного пространства ВИД откровенно дилетантских, а зачастую агрессивно невежественных сил. Конечно, некоторые ВИД в последние годы переживают подъём и стали очень популярны в чисто практическом плане. Это, безусловно, очень отрадное явление. Я имею в виду прежде всего генеалогию и геральдику. Здесь ощутимые подвижки налицо – создана и успешно функционирует государственная геральдическая служба, действуют общественные организации (ряд генеалогических обществ, геральдическое общество, геральдические семинары), издаются журналы⁷. Широкая общественная поддержка сделали практическую генеалогию и практическую геральдику явлением современной культуры. Особенно важно подчеркнуть ту большую работу, которую проводят все эти структуры по популяризации своих областей, по поиску и систематизации материала, публикации новых исследований и, что в особенности существенно, начался процесс издания источников на электронных носителях (опубликованные тома Общего гербовника Исторической библиотекой, генеалогические и биографические справочники петербургскими генеалогами). Но параллельно с этим возникают и иные тенденции – непрофессионализм, непонимание сущности ВИД,

незнание их методов создают не-естественных, квази-научных монстров, которые уже присутствуют в виде «квази-хронологии», «квази-палеографии» (связанной в основном с дешифровкой древних систем письма или откровенными фальсификациями типа «Влесовой/Велесовой книги») и уже сейчас «квази-геральдики». Разумеется, не только агрессивное невежество лежит в их основании, здесь задействованы и другие, весьма примитивные (в том числе и коммерческие) факторы, но «разрастание» таких микробных колоний не может проходить незамеченным для профессионального сообщества. Всему этому можно противопоставить только ясное понимание научного содержания ВИД, серьёзные и глубокие исследования и продуманное преподавание с усилением и формированием научных направлений и школ⁸.

Общегуманитарные, можно сказать общенаучные, методы ВИД, их фундаментальное значение для гуманитарной сферы, в рамках самих ВИД, как видим, не вполне или почти не отрефлексированы. Этому в какой-то степени способствует и атомизация современной науки. Если всё же ориентироваться на интеграционный путь (имеющий, по нашему мнению, непреходящую ценность для научного знания как такового) и на «выход» ВИД из узких «вспомогательно-исторически-дисциплинарных» рамок (фактически в ряде случаев уже совершившийся), то необходимы, во-первых, осмысление как путей достижения этого нового положения, так и самой его сущности, и, во-вторых, исследовательская деятельность в направлении актуальных общегуманитарных проблем и научных задач.

К числу наук, где до сих пор ВИД не нашли себе адекватного применения (и даже не вышли на новый уровень научного осмысления), относится, на мой взгляд, такая значительная общегуманитарная область, как семиотика. Исторически семиотика, основанная, как известно, философом и логиком Ч.С. Пирсом, лингвистом Ф. де Соссюром и математиком Г. Фреге, наиболее активно развивалась в нескольких основных направлениях: логико-математическом, структурно-лингвистическом, биосемиотическом, структурно-семиотическом в области культурной и социальной антропологии и др. Если семиотика текста, как представляется, больше соприкасается с источниковедением, то семиотика культуры [см. конспект учебного курса «Семиотика культуры» Г.С. Кнабе⁹] может самым активным образом актуализировать исследовательские практики ВИД. Ведь практически все ВИД можно рассматривать в контексте семиотики, которая вполне в состоянии выполнять роль того «инструмента наук», о котором говорил Ч. Моррис, конечно, и для исторического знания также (что и происходит отчасти в рамках современной научной парадигмы). Значение ВИД в семиотике культуры трудно переоценить. Ведь именно такие, казалось бы, традиционные ВИД и занимаются

исследованием разнообразных знаковых систем (зачастую не осознаваемых в рамках этих наук как системы), причём, что особенно важно, в их историческом развитии – это и разнообразные знаки-ориентиры (как например, карта или календарь), знаки объединения, принадлежности, собственности, отличия, статуса – флаги, гербы, фалеронимы, имена и т.д., знаки счёта, системы письма, системы кодов и шифров и многое другое, покрывающее значительное «поле» семиотического пространства любой культуры. Но, к сожалению, нужно признать, что даже современные учебные пособия по семиотике [как, например, примечательное учебное пособие Л.Л. Фёдоровой¹⁰] лишь в очень незначительной степени учитывают огромный «наработанный», репрезентативный информационный и методологический потенциал ВИД, что влияет, конечно, и на корректность изложения материала (в вышеназванном пособии, к примеру, раздел о геральдике и вексиллологии базируется почти исключительно (!) на столь ненадёжном «источнике» сведений, как «Энциклопедия знаков и символов» Дж. Фоли). В то же время и сами ВИД крайне слабо восприняли те значимые для гуманитарных наук исследовательские возможности, которые предоставляют методы семиотики. Думается, семиотический подход способен существенно обогатить ВИД, «вывести» их на новый аналитический уровень, раскрыть их актуальную роль в гуманитарной науке. Ещё В.Б. Кобрин обосновывал для исторической науки понятие «исторической семиотики», которая может, вероятно, быть своего рода интер-дисциплиной, охватывающей определённые стороны различных ВИД, и выступать ещё одним признаком их единства.

В этом контексте весьма актуальной становится выдвинутая ещё о. Павлом Флоренским идея о создании *Symbolarium*'а – универсального словаря символов разных культур, к осуществлению которой он приступил, но которую, по понятным причинам, так и не смог реализовать. Флоренский составил план словаря и успел написать только первую его «статью», опубликованную лишь в 1980-х гг. – «Точка». Словарь мыслился им прежде всего на основе простейших геометрических фигур, расположенных по мере их усложнения. Важной особенностью словаря был очень высокий уровень философского осмысления символов. Имеющиеся в настоящее время словари символов и эмблем, как переводные, так и оригинальные русскоязычные, конечно же, ни в малейшей степени не приближаются к замыслу Флоренского и в большинстве своём написаны на низком исследовательском и источниковедческом уровне. Как правило, это вполне беспомощное «сваливание в кучу» разнообразных малодостоверных и полученных из третьих рук сведений в хаотическом порядке, причём с очень явным псевдо-эзотерическим уклоном. Основателем этой «традиции» в нашей историографии был В.В. Похлёбкин (сделавший, впрочем, и немало полезного), чей «Международный (!) словарь символики и

эмблематики» стал для многих его эпигонов своеобразным образцом. Единственным изданием, где идея *Symbolarium*'а в более широком понимании частично воплощена в жизнь, является на сегодняшний день ставшая классической энциклопедия «Мифы народов мира», где присутствуют глубокие статьи, посвящённые и календарю, и знакам письма, и разнообразным, например, животным и растительным, символам. Не так давно Вяч.Вс. Иванов вновь выдвинул проект Флоренского (естественно, в новом варианте) в качестве актуальной научной задачи, и его предложения к этому проекту были опубликованы в первом сборнике «Антропология культуры»¹¹. ВИД, можно думать, способны служить одним из залогов постепенной реализации этого плана.

ВИД стоят сегодня на нелёгком пути: многое сделано – ещё больше предстоит сделать. Но мне кажется, что чем раньше они станут не только «вспомогательными», не только «историческими» и не столько «дисциплинами», тем скорее обретут полноценный статус наук.

© Русская антропологическая школа, 2009

---

¹ В этой связи большое значение имеет классификация ВИД, предложенная С.М. Каштановым. См. : Каштанов С.М. К вопросу о классификации вспомогательных исторических дисциплин // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной конференции. Киев, 1990. С. 75–77. Ср.: Соболева Н.А., Аксёнов А.И. Вспомогательные исторические дисциплины: современное состояние и структура взаимоотношений // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). Сборник статей. М., 1993. С. 220–234.

² Об обеих «сторонах» этого взаимодействия см., к примеру: Эфроимсон В.П. Гениальность и генетика. М., 1998; Барышникова Н.В., Дадали Е.Л., Поляков А.В. Клинико-генеалогический метод (в разделе «Методы медицинской генетики») // Генетика / Под ред. В.И. Иванова. М., 2006. С. 380–384; Родионов А.В. Молекулярная генетика на службе генеалогии // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 17. СПб., 2005. С. 5–15, и мн. др. Чрезвычайно существенны генеалогические методы и в изучении систем родства, см., к примеру: Афанасьева Г.М., Симченко Ю.Б. Методика генеалогических описаний и использование их для сбора сведений о номенклатурах родства и брачных нормах // Антропологические исследования. Вып. 10. Кн. 2. Новое в методике и методологии антропологических исследований. М., 1992. С. 5–43, и др.

---

³ Показательно, например, что такие известные книги о средневековой европейской культуре, как «Категории средневековой культуры» А.Я. Гуревича (М., 1984) и «Западная Европа XI–XIII веков» А.Л. Ястребицкой (М., 1978) начинаются с описания представлений средневекового человека о времени и пространстве.

⁴ См.: Медушевская О.М. Теория, история и метод источниковедения // Источниковедение: Теория. История. Метод; Источники российской истории. М.: РГГУ, 1998. С. 17–168 и др. работы О.М. Медушевской, М.Ф. Румянцевой и научной школы кафедры ИВИД ИАИ РГГУ.

⁵ Агоштон М. Великокняжеская печать 1497 г. К истории формирования русской государственной символики. М., 2005. Применительно к истории образа Георгия Победоносца в русской культуре в целом принципиальное значение имеет работа С.Я. Сендеровича «Георгий Победоносец в русской культуре» (М., 2002).

⁶ Некоторой, впрочем, довольно результативной, попыткой устроить «смотр сил» в исторической хронологии и придать ей новый исследовательский импульс стала специальная конференция, организованная кафедрой ИВИД ИАИ РГГУ в декабре 2006 г. Её материалы см.: Календарно-хронологическая культура и проблемы её изучения: К 870-летию «Учения» Кирика Новгородца / Сост. Ю.Э. Шустова, отв. ред. Р.А. Симонов. М., 2006.

⁷ Существенную роль в научном развитии геральдики играет и Геральдический семинар ИАИ РГГУ, основанный Е.И. Каменцевой, который к настоящему времени издал 7 сборников своих трудов (Труды ИАИ. Т. 34. М., 2000; «Гербовед» № 70. М., 2004; № 75. М., 2004; № 80. М., 2005; № 85. М., 2005; № 90. М., 2006 и № 95. М., 2007) и два сборника ежемесячных бюллетеней (Семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам ИАИ РГГУ. Бюллетени № 1–15. М., 2005; Бюллетени № 16–30. М., 2007). См. также: Елена Ивановна Каменцева: Биобиблиографический указатель / Сост. Л.Н. Простоволосова и Е.В. Пчелов. М., 2006.

⁸ Новое понимание сущности ВИД уже находит отражение в современных учебно-методических пособиях, см.: Вспомогательные исторические дисциплины (примерная программа дисциплины) // Историко-архивоведение. Специальность 020800. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования и примерные программы дисциплин Федерального компонента. М., 2003. С. 637–700; Вспомогательные исторические дисциплины: Учебно-методический модуль. (Серия «Я иду на занятия»). М.: РГГУ, 2004. «Срез» современного научного и педагогического состояния в этой области был, в частности, представлен на конференции кафедры ИВИД в

январе 2006 г., собравшей более 120 участников, см.: *Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления. Материалы XVIII научной конференции кафедры.* М., 2006.

⁹ Кнабе Г.С. *Семиотика культуры: конспект учебного курса.* М., 2005.

¹⁰ Фёдорова Л.Л. *Семиотика: Учеб. пособие.* М., 2004.

¹¹ Иванов Вяч.Вс. *Symbolagium: предложения к словарю символов // Антропология культуры.* М., 2002. С. 32–38.